

Юрий САВВАТЕЕВ

г. Петрозаводск

В поисках достоверности:

о жизни и деятельности
А. М. Линевского

Александр Михайлович Линевский – фигура колоритная, значимая для Карелии. Его жизненный путь во многом предопределило время. Сыграли свою роль и привходящие обстоятельства, судьба, случай. Федор Тютчев как-то сказал: «Нет ничего более человеческого в человеке, чем потребность связать прошлое с настоящим». Эта потребность проявлялась и в творчестве А.М. Линевского.

А.М. Линевский как личность привлекает еще и потому, что при жизни он неохотно посвящая в свое прошлое. Писатель Д.Я. Гусаров, около 30 лет бывший главным редактором журнала «Север», хорошо знавший и высоко ценивший А.М. Линевского, писал, что тот «почти ничего не рассказывал о своем детстве, юности, молодых годах даже близким товарищам. Чаще всего отшучивался и первым залиvisсто хохотал. Лишь кое-какие эпизоды мы могли уловить по его очеркам и рассказам о поездках и путешествиях, опубликованных в разные годы». Для Гусарова в какой-то мере оставалось загадкой, почему у него, «насквозь городского человека», выходца из дворянского сословия, ученого-археолога, художественное творчество почти целиком посвящено народной жизни поморского крестьянства. Откуда происходит «это глубокое не только знание, но и понимание жизни, быта, психологии, души русского крестьянина»? Возникающие недоумения в какой-то мере проясняет автобиографическая повесть «Страницы минувшего», опубликованная в журнале «Север» (№ 4, 1987). Она – только часть задуманной книги воспоминаний «О прожитом и пережитом».

А.М. Линевский – не только профессиональный писатель, автор историко-революционной эпопеи «Беломорье» и научно-художественной повести «Листы каменной книги», выдержавшей более 15 изданий, включая зарубежные (Финляндия, Америка), общим тиражом более 1 млн экземпляров. Кроме того, им написано много повестей, рассказов, очерков.

Возможно, известность А.М. Линевского как писателя несколько затмевает его научные исследования. Но он – разносторонний ученый, труды которого вызывают живой интерес и поныне. И на этой стороне деятельности хотелось бы остановиться подробнее. В числе его научных работ книги «Петроглифы Карелии» (П., 1939); «Очерки по истории древней Карелии» (П., 1940); «Сказитель Конашков» (П., 1948). Он участвовал в подготовке обобщающих трудов «История СССР. IX-VIII вв.» (М., 1953) и «Очерки истории Карелии» (Т. 1. П., 1957). Ему довелось много заниматься изучением археологических памятников – беломорские и онежские петроглифы, курганы на реке Оять – и сбором фольклорного материала. Есть все основания считать его профессиональным музееведом и архивариусом.

Детство и юность

Родился Александр Михайлович 3 мая (20 апреля по старому стилю) 1902 года в Петербурге в семье техника путей сообщения. Отца знали как «крупного строителя железных дорог». Жизнь его была связана с постоянными переездами. Воспитанием ребенка занимались в основном мать и близкие родственники. Когда мальчику исполнилось 10 лет, отец определил его в училище правоведения, надеясь, что совсем домашний «мальчик-отшельник» поближе познакомится со сверстниками. Более того, его отдают в пансион С.П. Лыжиной, где пришлось испытать немало нового, включая первую влюбленность. Остается только сожалеть, что А.М. Линеvский поведал далеко не все из многих «умиляющих воспоминаний о детстве», полагая, что они интересны лишь для него самого. Императорское училище правоведения – привилегированное учебное заведение подобно Пажескому корпусу или Александровскому лицей. Оно сыграло существенную роль в формировании взглядов Линеvского на жизнь.

В сентябре 1912 г. пребывание в пансионате С.П. Лыжиной заканчивается, Александр возвращается домой. В училище поначалу не все складывалось благополучно: «...несколько месяцев меня страстно дубасили, пока я не поумнел». Но даже «под воздействием кулаков» растрояться среди тех, «кто вел довольно разнудан-

ный образ жизни», не хотел. Призадумался и решил, что лучше всего сколотить «свое войско». Замысел удалось реализовать – сплотить вокруг себя небольшой кружок, к тому же из детей весьма именитых людей.

*Александр Михайлович
Линеvский*

«Кружковцы», в отличие от других, «не щеголяли похабщиной, не пьянствовали, не ходили в сомнительный кинематограф «Теремок». И вообще старались держаться если не безупречно, то достойно. Собираясь, вели «умные разговоры» на разные темы, занимались «разработкой моральных проблем».

Память его хранила многое из детских и юношеских лет, включая благодарность своей кормилице Татьяне: «Наверное, благодаря ее молоку мне удалось благополучно прожить до 80 лет». Он не без гордости отмечал, что «вышел в жизнь фантастически выносливым и крепким».

Свои первые отчетливые воспоминания детства относил к трехлетнему возрасту. Помнил, как жил с мамой в Сергиеве – пригороде Петрограда, вблизи Стрельни. Осталась в памяти и Февральская революция, визит в училище А.Ф. Керенского.

Изменения произошли и в семье. Мать вторично вышла замуж. По настоянию отчима мальчика пристроили к тетке-англичанке, года три обучавшей его английскому языку. С 15 лет Александр приучился читать газеты и понемногу начал « постигать правильно» «...политическую суть событий в России». Возникла даже шальная мысль о создании «своей политической партии». Но обдумав все, не найдя подходящего названия, от роли политического лидера решил отказаться.

Запомнилось и лето 1917 года, квартира на первом этаже по Лиговской улице. После Октябрьской революции новое государство перестало финансировать училище правоведения. Занятия продолжались на энтузиазме преподавателей, не получавших за свои уроки никакого вознаграждения. Ухудшилось и общее положение: в Петрограде наступил голод. А.М. Линеvского выр-

чило приглашение сестры покойной бабушки переехать к ней в г. Великий Устюг на р. Северной Двине, где она жила в завидном достатке.

На Северной Двине

Юноше исполнилось уже 16 лет, но тогда он считался еще нетрудообязанным, имел много свободного времени. Молодой человек постарался использовать его с пользой для себя. Он пристрастился к чтению литературы на исторические темы, благо в доме оказался неплохой набор журналов с приложениями. В середине июля приходит телеграмма из Петрограда с предложением вернуться обратно, к матери, чтобы получить диплом об окончании училища. Предварительно требовалось сдать экзамены, причем и за предстоящий, еще даже не начатый учебный год. Они длились почти месяц, едва ли не каждый день приходилось сдавать по одному предмету. И вот результат – в августе А. Линеvский получил официальный документ по всей форме, с печатью. С ним он и возвращается в Великий Устюг, где начинает самостоятельную трудовую жизнь.

В сентябре 1918 года здесь создаются новые, советские губернские учреждения. Тетушке удалось пристроить своего родственника «регистратором подотдела текущей земельной политики губземотдела». По существу же он оказался незанятым, не вел никаких дел, а просто сидеть на службе сложа руки и томительно скучать не хотел. Не оперившийся еще госслужащий решает пос-

тупить на вечерние курсы лесоустройства, организованные С.Г. Натом – человеком большой культуры и эрудиции, много повидавшим на своем веку, замечательным знатоком Севера России и его лесов. А.М. Линеvский всегда с благодарностью вспоминал своего учителя и наставника за то, как потцовски он развивал в нем, горожанине, понимание красоты северной природы.

Зима 1918–1919 годов прошла относительно спокойно: «утром и днем безделье губземотдела, а вечером – прилежная учеба на курсах лесоустройства». Летом обстановка в городе ухудшается. Становится голодно. Возвратившиеся с фронта военнослужащие усиливают напряжение. Одновременно и у тетушки, и у А.М. Линеvского проводится обыск. «Мне было отчаянно стыдно, именно стыдно (а не страшно)... и за себя, и за этих временных хозяев моей квартиры», – вспоминал он. К счастью, оставались и какие-то радости – дружба со сверстницей, поцелуи, ночные прогулки по городу, наконец курсы по лесоустройству.

На курсы толкнуло желание найти приемлемое дело для себя, тем более что «удушающая тряси́на устюженской обывательщины» давила и отталкивала. Когда появилась возможность устроиться на работу помощником таксатора, он ею незамедлительно воспользовался. Началась служба весьма драматично. На торфяных болотах возник лесной пожар. Приехав на место и осознав масштаб опасности, А.М. Линеvский сразу же телеграфирует в Вятку и Котлас о происходящем. Проявил дальновидность

– на всякий случай попросил копии телеграмм. На место пожара прибыла рабочая группа «чоновцев». Дознание длилось недолго и завершилось вердиктом: «За вредительское бездействие... подлежит расстрелу». Спас самый решительный протест обвиняемого против несправедливого приговора, грозившего неминуемой смертью тут же, в комнате, на месте разбирательства. Обвинителей образумили копии упомянутых телеграмм. Судьба и потом не раз проверяла А.М. Линеvского на стойкость и выдержку.

Другая неприятность случилась в ноябре 1919 года и связана с ночным блужданием по незнакомому лесу, где А.М. Линеvский отводил лесосеку местному жителю. Именно в ту ночь в его «полудетском сознании» утвердилось великое предназначение слова «надо». Надо во что бы то ни стало выбраться из леса, невзирая на усталость. Виной всему стал забытый у поставленного межового столбика охотничий нож. Вернувшись за ним, он потерял тропу и сбился с пути. Только в третьем часу ночи удалось выйти к полю, за которым блестел огонек жилого дома.

Из таких эпизодов извлекались уроки на будущее, следовали внушения типа: «Чего не умею, того не должен делать». Полюбились афоризмы и высказывания великих людей. А.М. Линеvский как бы вынашивал и испытывал на себе «законы жизни», вырабатывал ее программу. К примеру, из принципа решил не брать в руки карты. В конце жизни пришлось осознание, каким университетом стали для него годы разъездов по сельской глубин-

ке Беломорья, как много хорошего сделали для него простые люди, порой неграмотные, но обладающие народной мудростью. Они почти всегда проявляли щедрость и доброту к приезшему горожанину.

По признанию А.М. Линевского, когда ему приходилось принимать ответственные решения, он обычно, начиная с детских лет, ощущал «голос внутри себя», подсказывающий, как поступить в данный момент, в данной ситуации. Именно этот внутренний голос предостерегал от больших промахов, необдуманных поступков, скороспелых решений и выводов. Сформулированные для себя запреты, выработанный «кодекс жизни» помогали избегать искушений. Многие давали и книги, приучившие думать и понимать, примерять на себя поступки литературных героев, чувствовать их жизнь, мотивировать свои действия, осознавать их причины и следствия.

Воспоминания передают и особенности писательского мышления А.М. Линевского: «А вот я, пока не поверю, что придуманный мною сюжет вполне правдоподобен, остаюсь творчески бессильным. Чтобы начать писать, мне необходимо убедить себя, что «такое вполне могло бы произойти...» Подобное смещение «фантазии с реальностью» он наблюдал за собою лет с пяти-шести и на собственном примере убедился, что «характер большинства детей формируется очень рано». Сам себе он казался «неисправимым выдумщиком», с детства не терпевшим притворства, фальши, лжи.

Философские раздумья о себе и своем месте в жизни осо-

бенно продуктивными стали «в чудесную весну 1920 года» в починке Лоббож и зимою в с. Большая Мутюга (оба селения в Республике Коми). Помогла книга «История философии» К.И. Льюиса (1883–1964), американского философа-позитивиста, близкого к прагматизму. Ее штудирование привело к мысли создать свою философскую систему. Это не получилось, но привычка не довольствоваться чужими мыслями, философствовать, оценивать прожитое и прочитанное закрепились и стала нормой жизни.

В Великий Устюг А.М. Линевский вернулся в июне 1922 года. Многомесячное отсутствие не повлекло каких-то осложнений. Жизнь на глазах менялась, буйно расцветал НЭП. Проживание в глубинке уже не тяготило, но крепло желание учиться дальше.

Возвращение в Петроград

С мыслью поступить в вуз, чтобы получить специальность этнографа, А.М. Линевский в марте 1923 г. возвращается в Петроград, к матери. В городе царил уже совсем другая жизнь. «Облик преуспевающего нэпмана и его окружение вызывали у меня озлобление, и оно лишь усилило решение обязательно вернуться на раздолье Северного Подвинья. Мне захотелось быть одновременно сельским учителем и научным исследователем», – вспоминал позднее А.М. Линевский. Для 20-летнего горожанина подобные настроения весьма необычны и хорошо отражают особенности внутреннего мира, склад ума.

Поступление в вуз проходило непросто. Желающие делились тогда на девять групп. В первую попадали члены партии, в последнюю – советские служащие из числа беспартийных. В ней оказался и А. Линевский. Свидетельство об окончании училища правоведения помогало мало, оно скорее настораживало экзаменаторов.

Начались приемные испытания, длившиеся месяц. Оглашается список зачисленных на этнографический факультет Географического института. Фамилия А.М. Линевского стояла в девятой группе на предпоследнем месте. Какой контраст с будущим феерическим окончанием ЛГУ!

В Ленинграде он вновь живет у матери на проспекте Маклина. Институт совсем рядом, виден из окна. Сохранились его трогательные воспоминания о милом семейном гнезде: «В этой комнате прошли мои лучшие годы. Здесь я испытал первые исследовательские восторги, и только тут выпала мне ни до, ни после неведомая тихая радость: жена на работе, няня на кухне, а у меня на руках Лана. По радио льется хорошая музыка, а двухлетний человечек, прижимаясь ко мне, что-то шепчет на ухо. Больше таких часов счастья судьба мне не дарила, хотя оставалась многомилостивой».

С осени 1926 года начинаются незабываемые годы студенчества, предопределившие всю последующую жизнь. Поначалу многое огорчало, включая полуголодное существование. Но вскоре пришли и радость познания, и относительный достаток. Продолжались и испытания. В 1924 году в Географическом институте работа-

ла комиссия по выявлению классово чуждых элементов. Иметь дело с подобными проверками придется и позднее. Всякий раз «представители района» в комиссиях причисляли А.М. Линевского к классово чуждым персонам, поскольку его отец был из сословия потомственных дворян. А представители института настаивали, что это формальный показатель, тем более что отец ни недвижимого имущества, ни каких-либо значимых чинов по царской табели о рангах не имел. С 1882 года он техник-путеец, при советской власти оказавшийся на руководящей работе.

К счастью, побеждала «институтская пятерка», решавшая, кто должен проходить обучение в вузе, а кто нет. Усомнись хотя бы один из них, и «как бы тогда сложилась моя жизнь?» – недоумевал А.М. Линевский. Подобные восклицания звучали из его уст потом еще не раз. Одно из мрачных ощущений того времени – «гнетущее состояние своей беспомощности и непонимания: что и кому сделал плохого? Спасало погружение «в исследовательские дебри». Политика не увлекла. Настораживали и нравы тех лет. Смертным грехом студентов считались галстук («удавка»), косметика и парфюмерия, обувь на высоких каблуках как признаки моральной деградации. Раздавались предложения слить мужское и женское общежития и даже сделать так, чтобы в одной комнате проживали представители и «воинов», и «медичек». А.М. Линевский выступает против крайностей.

Студенческие годы

Перемены коснулись и самого Географического института, он становится геофаком ЛГУ. Специальность этнографа, которая вела в самую глубинку, студента А. Линевского не пугала, он уже знал, что такое сельская глушь, и свылся с нею. В ЛГУ тоже проводились разного рода эксперименты, в частности, испытывались способы проверки полученных знаний. Один из них – «бригадный», другой – «индивидуальный» – беседы один на один преподавателя и студента. Именно так и сдавал экзамены А.М. Линевский Л.Я. Штернбергу, В.Г. Богораз-Тану, Д.К. Зеленину, Е.Г. Кагарову, Н.И. Крееву и другим профессорам, известным русским ученым. Сказывалась любовь к чтению научной литературы. Выручала и отличная память, облегчавшая усваивание обширных знаний, их понимание.

Уже после первого курса А. Линевский проходил полевую практику, да еще какую: «Я проездил не 3, а 6 месяцев, – вспоминал он позднее, – объехав 48 областей Чувашской автономной области и повсюду организуя свою сеть корреспондентов-краеведов. Чуваши любили свой край и всячески содействовали начинающему исследователю. След поездок остался в виде двух его очерков: «Революция и деревня» (1925) и «Комсомол и деревня» (1926), а также относительно большой словарной статьи «Религия чуваш» в Энциклопедическом словаре русских издателей братьев Гранат. Второе лето А. Линевский провёл на полевой базе геофака ЛГУ Саблино. Присутствия на ней этнографов не предусмат-

ривалось, но сказалась тяга к познанию природы.

Петроглифы острова Шойрукшин

Воистину поворотным стало лето 1926 года. Осенью предыдущего года Совнарком Карельской АССР пообещал сотруднику Русского музея в Ленинграде Д.А. Золотареву 1000 руб. на этнографическую экспедицию. Деньги действительно выделили, но по ошибке перевели геофаку ЛГУ. Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз-Тан сразу же оформили экспедицию, в которую вошли четыре студента: карелы Дубов и Любимов, вепс Макарьев и русский Линевский, назначенный начальником экспедиции. Д.А. Золотарев возмутился, потребовал вернуть деньги на счет Русского музея, началась тяжба. В конце апреля В.Г. Богораз-Тан направляет А. Линевского с рекомендательным письмом в Петрозаводск, в Совнарком. Студенту 3-го курса предстояло доказать преимущество именно студенческой экспедиции. Сразу же по приезде его принял Председатель КарЦИКа А.Ф. Нуортева. Выслушав молодого человека, неожиданно повел его к председателю Совнаркома Э.А. Гюллингу. Тот пригласил прийти завтра: «Позовем товарищей, будем думать».

И вот в зале Совнаркома собирается специальное заседание. Студент в толстовке и солдатских сапогах впервые выступает перед такой аудиторией. Правда, ему уже 24 года, накоплен определенный жизненный опыт. Приводятся доводы в пользу именно студенческой экспедиции: крестьянс-

кое происхождение участников, их национальная принадлежность, знание языка, необходимое при сборе материалов. И, наконец, решающий козырь – желание жить и работать в Карелии в будущем. Большинство поддержало А.М.Линевского, испытывавшего чувство восторга от такого доверия: «Никогда жизнь не казалась мне такой радостной, такой безоблачной, как в те минуты».

В конечном итоге студенческая экспедиция в планах осталась, но ее весьма урезали в финансовом обеспечении. Каждый участник студенческого отряда получил всего по три червонца да еще документ на бесплатный проезд. Кому-то, кажется, достались еще и грубые сапоги. В.Г. Богораз-Тан, в свое время десять лет проживший среди чукчей, подбадривал: «Карелы и поморы люди гостеприимные и гостя прокормят».

За три месяца 1926 года А.М.Линевский обошел едва ли не весь Паданский уезд. Только за июль-август он успел пройти от самых южных до самых северных его границ и собрал обширный материал – до десятка исписанных тетрадей, «легших в основу будущих записей по верованиям, обычному праву и событиям в годы Гражданской войны на Севере».

Однако самое интересное и непредвиденное ожидало его в юго-западном Прибеломорье. Прибыв в Сороку (ныне г. Беломорск), он поначалу ничего интересного здесь не нашел. Решил отправиться в близлежащую деревню Выгостров. Двинулся туда в знойный августовский день и вскоре нагнал человека в черной «поповской» шляпе и в длиннополом пальто – весьма странный наряд в лет-

нюю жару. Привлекали внешность и лицо незнакомца – бледное, истощенное, с бородой. Между ними завязался разговор. Зашла речь и о цели прибытия молодого человека в Поморье, осторожно сообщившего о знакомстве с иноком из района Сегозера. Сказал, что тот шлет привет Григорию Павловичу Матросову, к которому он и направляется сейчас. Похоже, А.М. Линевского уже осенила догадка, что его спутник и есть тот самый Г.П. Матросов. Семь верст прошли незаметно, в разговорах об еретике Николе, о расколе, о Даниловских скитах. В конце последовали приглашение в дом, теплый прием, «удивление», ласковое «гостюшко».

Г. П. Матросов отвез гостя на остров Шойрукшин реки Выг – показать диковинку, по его словам, не известную еще ни одному из сорочан. Вот как писал об этом посещении острова сам А.М. Линевский: «Стиснутая скалами река мчится справа бурным порогом, а слева образует неширокий водопад. Вблизи порога Шойрукша блестела на солнце глянцева скала багрового, как бы «мясного» цвета, очень густо покрытая рисунками. Главная композиция состояла из горбатого мужчины и ведущих к нему следов человеческих ног, каких-то рыб, водной дичи, оленей, лосей, медведей, нечто вроде морских звезд и ряда иных изображений». В заключение заметил: «Так выявилась для науки скала «Бесовы Следки» с тремястами петроглифами многотысячелетней давности. Так и наступил мой непредвиденный «звездный час», когда судьба круто перевела меня – и отдала во власть древностям

Беломорья». И, наконец, следует признание: «Эта находка навсегда прикрепила меня к Карельскому Поморью. Она определила и необходимые для расшифровки дисциплины: археологию, историю, этнографию, а также фольклор северных племен».

В Ленинград А.М. Линевский вернулся в начале сентября 1926 года «счастливым и воодушевленным редкостной удачей». Находку, точнее – открытие, высоко оценили. Декан Л.Я. Штернберг разрешил не посещать лекции, чтобы целиком сосредоточиться на описании и истолковании найденных рисунков. Вникнуть, «вчитаться в скалу» удалось довольно быстро. Для этого пришлось немало потрудиться в публичной библиотеке. Здесь им были написаны дипломная работа, а также первые заметки, статьи и очерки для разных журналов.

Бесовы Следки вызвали повышенный интерес в ЛГУ, где стало традицией зимой устраивать отчетные выставки по итогам полевых работ студенческих экспедиций. Копии беломорских петроглифов, занявшие целую стену, стали главным экспонатом выставки геофака за 1926 год. На ее открытие приехал В.А. Городцов, патриарх отечественной археологии, глава ее московской школы. Студент А.М. Линевский оказался в центре внимания.

В.А. Городцов, вернувшись в Москву, рассказал о выставке своим аспирантам. Среди них был и А.Я. Брюсов, кстати, родной брат поэта Валерия Брюсова, еще в 1923 году приступивший к археологическим разведкам в Поморье. Он сразу же написал пространное письмо А.М. Линевскому, и тот вскоре

привез ему сборы материалов с 14 древних стоянок на острове Шойрукшин и в его окрестностях. С лета 1927 года начинаются их совместные полевые работы: А.М. Линевский занимался копированием и изучением рисунков, А.Я. Брюсов – поисками и раскопками древних стоянок. Они много и долго беседовали, общение «на равных», несмотря на разницу в возрасте и профессиональной подготовке, могло длиться до восхода солнца. Эти ночные бдения не прошли бесследно и для А.Я. Брюсова. В 1940 и 1952 годах вышли его монографии «История древней Карелии» и «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху», в которых немало страниц отводится и карельской археологической культуре.

Наступил декабрь 1928 года – день защиты дипломной работы. В качестве нее была представлена только что опубликованная научная статья «К вопросу о петроглифах Карелии». Защита прошла блестяще. Лестный отзыв председателя комиссии, выдающегося ученого академика А.Е. Ферсмана вызвал аплодисменты присутствующих – знак уважения и признательности как к самому А.Е. Ферману, так и к дипломнику.

Последний год студенчества оказался неплохим и в материальном отношении – поддерживали гонорары за рассказы и очерки в молодежных журналах. Спустя много лет А.М. Линевский по существу отрекся от своих ранних «писаний»: «Теперь, из-за низкого литературного качества, я их стыжусь». Эта продукция осуждалась им, казалась почти оскорбительной: «Разве это цель для учено-

го, каким я себя считаю?» При этом во внимание, что эти «писания» появлялись на страницах таких известных тогда массовых журналов, как «Вокруг света», «Мир приключений», «Советское строительство», «Охотник», «Карело-Мурманский край», «Экономика и статистика Карелии», «Всемирный следопыт».

В Петрозаводск

В конце апреля 1929 года в Ленинград приехал однокурсник А.М. Линевского С.А. Макарьев, один из участников его экспедиции 1926 года. По приглашению СНК КАССР он уже занимал должность заведующего Карельским государственным краеведческим музеем. Теперь С.А. Макарьев предлагает своему однокурснику работу в музее, чтобы переделать исторический отдел музея и одновременно быть ученым секретарем бюро краеведения при музее.

Решение А.М. Линевского переехать на постоянное жительство в Петрозаводск вызвало удивление в среде его доброжелателей. Как можно оставить Ленинград и отправиться в провинцию? 19 мая 1929 г. А.М. Линевский переступил порог краеведческого музея в Петрозаводске и испытал разочарование. Музейная экспозиция по существу представляла собой выставку разных вещей и предметов, собранных в Олонецкой губернии во второй половине XIX века. Фотографии экспозиции 1870 года только подтверждали, что экспонаты с той поры почти не пополнились.

С.А. Макарьев и А.М. Линевский понимали необходимость

реэкспозиции музея и незамедлительно приступили к ее осуществлению. При содействии Э.А. Гюллинга музею удалось получить в том же правительственном здании на Круглой площади еще две комнаты. Музей начал преобразовываться. В отделе природы появилась экспозиция с чучелами зверей. А.М. Линевскому же в 1929-1930 годах удалось осуществить реэкспозицию исторического отдела. Но действовала она всего около трех лет. Нарекания вызывали копии наскальных рисунков, изображавших людей с обозначением пола. Некоторые из посетителей воспринимали их как неприличные. Так, несколько учительниц вообще возмущались до истерики «из-за выставленного похабства».

Еще одна забота начинающих музейных работников – развитие в Карелии краеведения. «Общество изучения Олонецкого края», созданное еще до революции, прекратило свою деятельность. В середине 1920-х годов В.И. Крылов пытался реанимировать его. Возобновились собрания общества, на которых каждую осень А.М. Линевский отчитывался о своих экспедициях, демонстрировал «оттиски» новых петроглифов. После смерти В.И. Крылова «Общество...» вообще «перестало проявлять признаки жизни». Члены его были уже в преклонном возрасте, а новички казались им мальчишками, «захватившими власть в науке» и отрицающими все старое. Взаимопонимания с «дореволюционными любознательными» найти не удавалось, краеведение не развивалось, зато власть в лице Э.А. Гюллинга молодежь поддержала. Сам он нередко заглядывал в помеще-

ния музея, чтобы познакомить с созданием новой экспозиции, новыми экспонатами. А.М.Линевский с готовностью демонстрировал их, давал обстоятельные пояснения. Неформальное общение с «первым» лицом республики помогало развитию музея.

По инициативе А.М. Линевского в Карельском обществе краеведения образовалась группа юных друзей музея, позднее разделившаяся на отдельные кружки: исторический, краеведческий, фото и литературный. С.А. Макарьев поддерживал активную деятельность А.М. Линевского, доверял ему и «ни во что не вмешивался». Не все из задуманного, даже при такой свободе, удавалось реализовать – не хватало времени. Тем не менее многое успевали делать. Из кружков лишь один стал постоянно действующим – литературный. Позднее на его основе возникла русская секция Карельской ассоциации пролетарских писателей (КАПП), в 1934 году переименованная в русскую секцию Союза советских писателей Карелии. Позднее А.М. Линевский сетовал: «Не везло мне только с организацией краеведения в республике, хотя, кажется, я не жалел ни сил, ни времени».

В конце 1930 года у А.М. Линевского созрело решение уйти с музейной работы, где, как ему казалось, он уже исчерпал себя. К тому же произошли перемены и в личной жизни – женитьба на Н.Н. Гуриной (ставшей позднее известным археологом). Они решили сменить место жительства и в январе 1931 года вместе отправились в Кандалякшу, где взялись за создание районного музея. Через полгода молодой семейной

паре пришлось возвратиться в Петрозаводск. Жена стала работать в краеведческом музее, а муж получил «крупное задание» от Наркомпроса – составить «краеведческую хрестоматию».

Открылась возможность поработать в библиотеках Ленинграда, «погрузиться в нетронутую целину дореволюционных залежей периодики», свидетельствующей, что еще в XIX веке о Карелии, особенно об Олони и Поморье, напечатано немало. Итогом стала рукопись объемом в 2500 страниц «большой познавательной ценности». К сожалению, судьба этой рукописи оказалась печальной. Ее разделили на три части и отослали на отзыв в Москву и Ленинград. Собрать их воедино уже не удалось. Новый нарком просвещения АК ССР не желал «ворoshить залежи краеведческого материала». Прекратилось и выделение средств на подготовку «Хрестоматии», составлением которой увлеченно занимался А.М. Линевский. Руководство Архивного управления, учитывая накопленный опыт, предложило ему занять штатную должность научного сотрудника республиканского архива.

Желая побольше ездить по районам республики, А.М. Линевский по существу стал исполнять функции инспектора Архивного управления. Он еще раз объехал Поморье от Кандалякши до Нюхчи и, кроме того, все Заонежье. Его внимание привлекли церковные архивы, прежде всего в «беспризорных церквях», каких тогда появилось немало. Священники с охотой передавали свои архивы в надежде на их более надежную сохранность. Кроме комплектования архивных фон-

дов, он готовил выставки документов и материалов о республике, демонстрировавшихся в Карелии и за ее пределами.

Для повышения квалификации А.М. Линевского как архивиста направляют на двухмесячные курсы в Архивный институт в Москве. Там у него появилась привычка приходить на Красную площадь в полночь, чтобы «выслушивать» бой курантов. Такие посещения продолжались и позднее, во время командировок в Москву. После окончания курсов он стал архивистом-консультантом, занимался выявлением документов и составлением описей по теме «Гражданская война» и «Советское строительство». Собранные сведения базировались преимущественно на свидетельствах участников и очевидцев тех событий. Как выяснилось, на их рассказах и воспоминаниях нередко лежал отпечаток субъективизма, искажавший действительность. Требовался сплав живых рассказов и документальных свидетельств, позволяющий обстоятельнее и точнее отразить факты, события, явления. Двухлетняя работа в Центральном Архивном управлении АКССР (1932-1933) и записи 1926–1934 годов, сделанные им в Поморье, сыграли огромную роль при работе над «четырёхкнижной» эпопеей «Беломорье» и дополняющей ее серией повестей, очерков и рассказов о годах Гражданской войны. И вновь раздумья: «Не знаю, что было бы со мной в дальнейшем. Чрезмерное обилие материалов порою может подавить его творческое осмысление».

Архив пришлось неожиданно оставить совсем по другой причине. Приехавшему из Москвы

реvisorу не понравился «дворянский гонор» сотрудника. Последовал провокационный вопрос: «Как Вы относитесь к революции?» А.М. Линевский, видимо, съязвил, и участь его была решена: таким в архиве не место. Можно понять переживания его и жены-комсомолки. На помощь пришел С.А. Макарьев, уже два года руководивший Карельским научно-исследовательским институтом (КНИИ). А.М. Линевского зачислят в постоянный штат института. Исследовательскую работу он по-настоящему не вел с мая 1929 года. Все время отнимали «музейная суতোлка», разборка «архивных залежей», организация разного рода выставок. Это отвлекало от занятий наукой, в том числе и петроглифами, «навсегда привязавшими» его к Карелии.

Правда, время от времени и в те суетные годы память возвращала к 800 изображениям, которые удалось зафиксировать в 1920-е годы. Перебирая копии, фиксируя возникающие мысли, А.М.Линевский снова и снова тянулся к их расшифровке.

Залавруга

Время шло, и жизнь вновь преподносила сюрпризы. Из Ленинграда поступила информация, что известный ученый, профессор В.И. Равдоникас, решил опубликовать наскальные изображения Карелии. Тем же был озабочен и А.М. Линевский. Но если В.И. Равдоникас располагал необходимыми финансами возможностями, то у А.М.Линевского «они были до предела ограничены». Поборов гордыню, он отправляется в Ленинград на встречу с

В.И.Равдоникасом и договаривается о работе (вместе с женой Н.Н. Гуриной) в составе его экспедиции. Взамен надеется получить все снятые копии петроглифов. Летом 1935 года экспедиция В.И. Равдоникаса состоялась, а зимой начали поступать копии онежских петроглифов.

На следующий год В.И. Равдоникас продолжает полевые работы в низовье р. Выг на петроглифах «Бесовы Следки», но уже без А.М. Линевского, открывшего это скопление 10 лет назад. Поступок не совсем корректный. Отношения явно не складывались. Более того, с выходом первого тома публикации В.И.Равдоникаса началось их противостояние. Сенсацией стало открытие, не менее впечатляющее, чем открытие Бесовых Следков. Теперь торжествовал В.И.Равдоникас. Местный житель Тимофей Матросов показал ему всего в полтора километрах от Бесовых Следков урочище Залавруга с неизвестной группой (скоплением) наскальных изображений. Почему-то у В.И.Равдоникаса оно получило название Залавруга (позднее Старая Залавруга или Залавруга 1).

Наскальное полотно занимало большую площадь, имело разную сохранность, местами совсем плохую, что создавало определенные трудности при копировании и документировании. А.М. Линевский, посетивший Залавругу на следующий год, чтобы определить границу между «дикой» скалой и краем выбитых рисунков, в ряде случаев использовал кончик языка, оказавшегося «инструментом» более чувствительным, чем подушечки пальцев.

На удивление быстро, уже в

конце 1936 года, появился первый том роскошной публикации В.И. Равдоникаса «Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря» (второй том издан в 1938 году). Во введении он весьма резко критикует А.М.Линевского, который воспринял обвинения и упреки в свой адрес как вызов. Ответом стала подготовка монографического исследования «Петроглифы Карелии», изданного в 1939 году. Названные издания со взаимными выпадами только закрепили отчуждение между двумя самыми известными на то время знатоками наскального искусства Карелии.

Для А.М. Линевского публикации и критика В.И. Равдоникаса стали «отличным побудителем энергично приняться за петроглифы». Пора было браться и за подготовку диссертации. Начинать после восьмилетнего перерыва в научных изысканиях оказалось нелегко. Вновь, как и в 1920-е годы, последовали «полусуточные бдения» в публичной библиотеке в Ленинграде. Подходящие условия требовались и в Петрозаводске. Чтобы разложить многометровые копии «с чертиками», в институте выделили большую комнату. Но за два месяца упорного труда удалось набросать всего 20-30 страниц пока еще «никуда не годного» текста. Мучительное напряжение тяготило, захотелось уединиться, поехать в д. Выгостров, чтобы там подготовить рукопись. Дирекция института пошла навстречу, разрешив командировку на целый месяц.

И вот снова Выгостров, большой двухэтажный крестьянский бревенчатый дом. На первом проживала одинокая старушка

хозяйка. В просторной комнате на втором этаже поселился гость. Места оказалось достаточно, чтобы разложить рулоны с копиями древних изображений. Тридцать дней продолжалась напряженная работа. Все это время А.М. Линевский, по его словам, «либо писал, либо спал». Радио не было, газеты в дом не поступали, он целиком сконцентрировался на петроглифах и времени их создания. В результате лучше стала ощущаться невидимая прежде связь между изображениями, яснее обозначился путь, ведущий к познанию их смысла и назначения. Рукопись объемом почти 10 авторских листов удалось закончить, а значит, можно было с чувством выполненного долга возвращаться в институт. Автор оценил свой труд очень высоко: «Так было создано мое самое крупное (во всех смыслах этого слова) научное исследование, принятое в 1944 г. в Москве в качестве кандидатской диссертации».

Раннее литературное творчество

Его приобщение к литературному творчеству началось в студенческие годы, в ЛГУ. В Карелии писательское объединение появляется в 1926 году, А.М. Линевский, пользовавшийся авторитетом у своих коллег – начинающих писателей, возглавлял его. Он уже успел зарекомендовать себя на литературном поприще, к тому же все кружковцы оказались на несколько лет моложе своего 27-летнего руководителя. Вскоре определились и с местом встреч – им стал краеведческий кабинет на втором эта-

же публичной библиотеки. Появилась возможность регулярно собираться, дискутировать. «Все, что было лучшего в молодости, еще не побитой жизнью, доверчиво выплескивалось наружу на обсуждении в кружке», – подтверждал А.М. Линевский. Тоненький юбилейный сборник «К 10-летию Советской Карелии», изданный в 1930 году на общественных началах, – единственный зримый след существования в Петрозаводске в 1929–1930-е годы самостоятельного литературного объединения.

В июне 1934 года проходила 1-я Всекарельская конференция советских писателей, рекомендовавшая в члены Союза советских писателей семь и в кандидаты – четыре человека. Довольно неожиданно А.М. Линевского и С. Норина, русских по национальности, определили не в члены, а в кандидаты. Наряду с русской была и финская секция, которая, видимо, привлекала больше внимания. Проявлялось недружелюбное отношение к молодежи со стороны опытных писателей, что «у многих начинающих гасило тягу к творчеству», – сожалел А.М. Линевский. Собственную писательскую судьбу он считал счастливой уже потому, что рано начал публиковаться в молодежных журналах Москвы и Ленинграда. Но далеко не всеми из своих «писаний» позднее оставался доволен. Даже рассказ «Поединок», появившийся на страницах журнала «Мир приключений» (1929, № 1), затем переработанный «от первой до последней строчки», тем не менее, по самокритичному заключению автора, навсегда «останется за бортом».

В 1933 году «приключенчес-

кая периодика» прекращается, и А.М. Линевский, по его словам, «сразу попал в беду». Пришлось срочно переучиваться, начать писать иначе и навсегда отвыкнуть от ставшей уже привычной «приключенческой» манеры. Ищущий писательский взор обращается к Беломорью. Первый шаг – рассказ «Масленица» в газете «Красная Карелия» (1934, № 11). В 1937 году начинает издаваться альманах «Карелия». А. М. Линевский стремится принять участие в каждом выпуске. В конце 1930-х годов выходят две его книги: «Доктор Подобин» (1937), «Как это было» (1939). В 1938 году публикуется вторая редакция «Листов каменной книги», объем которой вырос до 6 авторских листов. Она написана с целью популяризации знаний о Севере. Первый, краткий ее вариант издан в 1930 году. И только в 1952 году появился третий вариант объемом 12 авторских листов, ставший каноническим. 1930-е годы для А.М. Линевского как беллетриста оказались переходными от пробных приключенческих повестей и рассказов к более серьезным литературным произведениям. Мастерство пришло далеко не сразу. Вновь и вновь он повторял: «Считаю, что ни одна из вышедших тогда книг не соответствовала требованиям послевоенного времени».

Так считали некоторые из недоброжелателей. В журнале «На рубеже» №5 (июнь 1945 года) появилась рецензия на его повесть «Тогда на Ладогe» за подписанием Ерусалимчик. В ней квинтэссенция негатива по отношению к Линевскому как писателю: «Эта повесть, как и другие произведения А.Линевского, лишней раз подтверждает, что писа-

тель не умеет обобщать и типизировать события, образы, положения, что он абсолютно не владеет формой художественного повествования. Большая самоуверенность и отсутствие художественного чувства, а также полное непонимание политических явлений и движущих сил революции привели к тому, что Линеvский опoшил героические дела карело-финского народа и революционеров периода Гражданской войны и написал во всех отношениях ошибочное и бездарное произведение, извращающее события и факты» (с.20). Подобное заключение не требует комментариев и хорошо отражает всю сложность положения писателя того времени.

В годы войны

Свою жизнь в годы Отечественной войны А.М. Линеvский оценивает как относительно благополучную: «Всегда под крышей, всегда имел кусок хлеба, хоть и скудный, но все же получал его каждый день». Он стеснялся этого «благополучия». С началом войны его вместе с Карельским научно-исследовательским институтом культуры (КНИИК) и преподавателями КФГУ эвакуировали в Коми АССР, в Сыктывкар. Там А.М.Линеvский работал в Музее Коми республики и читал курсы археологии, этнографии и истории первобытного общества в университете. Переживания и размышления военных лет, суровый быт помогли укрепить характер, четко определить жизненные цели.

Появилась «повестушка» «Хищники», из которой позднее выросла эпопея «Беломорье». В

Сыктывкаре живет он в одиночестве и переживает за четырехлетнюю дочь, оказавшуюся в попечении бабушки под Москвой.

В конце 1942 года правительство КФСР принимает решение о восстановлении прерванной деятельности КНИИК и переводе его во временную столицу Карелии Беломорск. Туда же в марте 1943 года переезжает и его сотрудник А.М. Линеvский. Условия жизни здесь оказались неплохими: фанерный домик площадью 2х3 м, паек научного работника, минимально достаточный для одного человека. Остальные четыре сотрудника института и его директор М.Х. Дорошин жили в другом месте. Все они занимались в 1943–1944 годах сбором воспоминаний участников партизанского движения. Включился в эту работу и А.М. Линеvский, выезжавший на партизанскую базу в пос. Лехта. Он агитировал участников партизанских походов самим вести записи происходящих событий. После войны им сдано в архив института 198 рукописей воспоминаний о партизанских отрядах «Красный онежец», «Вперед» и «Железняк». Собирали он и материалы по теме «Тыл – фронту» в пос. Гридино и Калгалакше.

В Беломорске пришлось заниматься оформлением выставки «25 лет комсомола Карелии». Курировал ее первый секретарь ЦК ВЛКСМ республики Ю.В.Андропов, с которым велись неоднократные обсуждения. А.М. Линеvский позднее вспоминал: «Теперь позабыты эти неторопливые разговоры, происходившие по вечерам». Запали в душу горькие слова Ю.В. Андропова: «Война требу-

ет таких жертв, и нет возможности от них отказаться», сказанные в связи с отправкой группы подпольщиков в оккупированный Петрозаводск. У А.М.Линеvского возникло желание самому отправиться на задание в составе партизанского отряда. Генерал С.Я.Вершинин не возражал, но командиры отрядов, видя физическую неподготовленность, не торопились с ответом. В итоге намерение осталось нереализованным.

Разлука с женой разрушила семейную жизнь. С дочерью и Н.Н. Гуриной – уже бывшей женой, он неожиданно встретился в Беломорске, куда они приехали на некоторое время. Потом Н.Н. Гурина еще не раз приводила к нему шестилетнюю дочь, с которой он не виделся три года. Выяснилось, что им жилось совсем неплохо, что не могло не порадовать его.

Возвращение в Петрозаводск

Наконец наступил июль 1944 года с долгожданным возвращением в Петрозаводск. Эта реэвакуация совпала с поездкой в Москву, куда А.М. Линеvского пригласили для защиты кандидатской диссертации. Она проходила 31 июля на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ. Все 18 членов комиссии проголосовали «за». Банкеты по случаю защиты тогда не дозволялись, и на следующий день А.М. Линеvский отправился в родной Ленинград: «И вот я дома... а здесь, в этой комнате, все сохранилось без малейших изменений. Странно было это понимать и чувствовать». Вскоре пришла бывшая жена. Ей

предстояло возвращаться в Подмоскowie. Весь вечер прошел в рассказах о пережитом в военные годы.

На сей раз А.М. Линеvский прожил в Ленинграде около месяца. Влекли книжные магазины, ломившиеся от множества редких изданий. Поразительно, но в годы блокады многие люди совершали настоящий подвиг: гибли, но книги не использовали для обогрева. В их коммунальной квартире из пяти живших там семей кроме его жены, Н.Н. Гуриной, выжили только мать и дочь-подросток. А.М. Линеvский констатировал, что его внутренний фронт (семейная жизнь) развалился, однако предаваться унынию и меланхолии не стал. Чувствовал, что созрел для осуществления творческих замыслов, зародившихся еще 20 лет назад. В их реализации теперь ему виделся смысл существования. Да и личная жизнь складывалась не так уж плохо – в Петрозаводске его любили женщины, уважали окружающие, ценила творческая молодежь. А в 1950 году у А.М. Линеvского появляется новая семья. Не сразу решил вопрос с жилплощадью. Пришлось пожить и в кабинете уполномоченного ТАСС, а потом в той же комнате музея, где они до войны жили с женой. Перед ее началом ему выделили жилплощадь в элитном доме для специалистов на пр. Ленина – 2 комнаты в 4-комнатной квартире известного писателя Я. Виртанена. В войну взрыв оставил от «пятиэтажной домины» только невысокую кучку развалин. При эвакуации разрешалось брать всего по два чемодана на человека. Все оставшееся имущество, включая библиотеку, погибло. Разграб-

*А.М. Линеvский
с автором статьи*

ленным оказался и краеведческий музей.

В освобожденном Петрозаводске А.М. Линеvского ждал непочатый край работы. Он считал нужным вернуться в музей и даже поселиться в нем. Работать здесь позволялось в любое время: достаточно спуститься по скрипучей лестнице с последнего яруса бывшей колокольни, еще до войны превращенной в комнату. Зимой главной помехой оставался холод. Приходилось время от времени подниматься в комнату, чтобы, отогревшись под одеялом, вновь спускаться вниз, на первый этаж, и «колдовать» над разложенными на полу копиями. Уже через полгода опустошенный КГКМ удалось восстановить и открыть музейную экспозицию. Выставку «Карело-финские партизаны» А.М. Линеvский демонстрировал в фойе Финского драматического театра. Вскоре вернулся и «хозяин» музея – демобилизованный

И.М. Мулло, ставший директором еще в довоенные годы. А.М. Линеvский же переходит в КНИИК, чтобы целиком сосредоточиться на научно-исследовательской работе. Он занимается и преподавательской деятельностью – читает курсы лекций в госуниверситете, начинает подготовку к полевым работам. В 1947–1949 годах он вел раскопки 170 курганов X–XII веков на берегах р. Оять в Ленинградской обл. В 1955 году решил оставить Институт ЯЛИ, чтобы быть писателем-профессионалом, зарабатывающим на жизнь литературным трудом. Тесная связь с Институтом ЯЛИ не прерывалась все последующие годы и осуществлялась в разных формах: членство в Ученом совете, консультации, рецензирование и редактирование научных трудов сотрудников, участие в подготовке обобщающих изданий и т.д.

В послевоенные годы А.М. Линеvский растет и как писатель.

В 1960 году появляется сборник рассказов «Мужество», а в 1951-1964 годах создается самое значительное художественное произведение – четырехтомная эпопея «Беломорье». В ней ярко воссоздана предреволюционная жизнь Карельского Поморья, годы Гражданской войны на Севере и первый период становления Советской власти. Много раз переиздавалась и повесть «Листы каменной книги». Долгие годы А.М. Линеvский оставался членом правления Союза писателей республики, являлся членом редколлегии журнала «Север».

Память об ученом

Мало кто знал, однако, что такого физически здорового и крепкого мужчину, почти не прибегавшего к помощи врачей, всем лекарствам предпочитавшего поливитамины, исподволь подтачивала страшная болезнь, связанная с состоянием психики. В начале 1980-х годов болезнь начала обостряться и привела в общую палату психиатрической лечебницы на улице Военной. Там он и скончался. Похоже, смерти Александр Михайлович не боялся, но похороны не любил и старался их избегать. Похоронен он в Сулажгоре на почетном кладбище по соседству со многими известными ему людьми. Здесь покоится элита города и он – Почетный гражданин Петрозаводска, лауреат государственной премии Карелии по литературе и искусству, орденноносец.

Его научные труды издавались в основном местным издательством, небольшими тиражами, на плохой бумаге.

Скромные на вид, они и поныне представляют большую ценность, а «Петроглифы Карелии» – настоящая библиографическая редкость. А.М. Линеvского называют первым профессиональным этнографом Карелии, ему отдают должное археологи, историки, фольклористы. Все они отмечали широту кругозора и творческих интересов этого энтузиаста и науки, и литературы.

Разносторонность интересов, их многоплановость – черта творческой природы А.М. Линеvского, всегда стремившегося к синтезу данных разных наук – археологии и этнографии, этнографии и фольклора, истории и этнографии и всех в комплексе. Стремление добиваться органического единства нескольких отраслей знаний для выяснения научной истины остается актуальным и сегодня. А.М. Линеvский хотел охватить своим исследовательским взором гуманитария несколько целых эпох, а в них – ключевые, переломные периоды. В качестве важнейших для себя он выделил три эпохи в истории Карелии: каменный век, средневековье (преимущественно XI век) и установление Советской власти в Беломорье. Освещение их заняло центральное место как в научном, так и в литературном творчестве.

А.М. Линеvский интересен и как самобытная личность. Привлекают его подвижничество в труде, умение общаться с людьми, доброжелательно-заинтересованное отношение к одаренным молодым людям. Он оставался человеком независимым, неконфликтным, доброжелательным, очень скромным в быту. К роскоши не стремился, предпочитал доста-

ток. Душевное участие, умение проявить внимание к своим знакомым и даже малознакомым могут засвидетельствовать многие. Главным содержанием и смыслом всей жизни для А.М. Линеvского оставался труд, занимавший основное время, доставлявший и муки творчества, и самые большие радости. Труд упорный, постоянный: в будни и праздники, до предела напряженный, порою изнурительный, но всегда желанный, как источник истинной радости и счастья, как стержень всей жизнедеятельности. Его успехи и достижения – результат редкого трудолюбия, высокой трудовой дисциплины и ответственности.

Наше общение

Автору довелось постоянно общаться с А.М. Линеvским на протяжении 30 лет. Встречи с ним всегда приносили удовлетворение, радость и пользу, помогали в творческих поисках. Наше первое знакомство состоялось в 1957 году на встрече с ним студентов-историков университета. Завершая ее, Александр Михайлович вручил мне, как одному из организаторов, повесть «Листы каменной книги». В апреле 1959 года он выступил моим оппонентом на защите дипломной работы и снова подарил «Листы каменной книги» с такой дарственной надписью: «Будущему труженику в области археологии Карелии Юрию Александровичу Савватееву на память о «трепетном» дне защиты дипломной работы в университете. Оппонент-автор». В 1971 году он подарил новое издание «Листов каменной кни-

ги» с надписью «Рад пожелать Юрию Александровичу Савватееву с прежней энергией внедрять знания в широкий круг тружеников Карелии».

После окончания Карело-Финского госуниверситета все последующие годы нам довелось жить рядом, на одних и тех же улицах. Началось столь близкое соседство за городом, в местечке Сайнаволок. Нас, молодых научных сотрудников Карельского филиала АН СССР, поселили на бывшей правительственной даче, кстати, весьма скромной. А.М. Линевский же, предпочитавший творческое уединение, снимал комнату в мансарде частного дома, расположенного неподалеку, на красивом мыске. Наше жильё роднили теснота, предельно скромная обстановка, холод, отсутствие всяких удобств. Иногда после ужина мы вдвоем по обоюдному желанию совершали прогулки по дороге, ведущей к основной трассе, и вдоль нее. Позднее, когда нам предоставили комнату в новом доме по улице Куйбышева, мы

снова стали соседями. Неподалеку наши квартиры оказались и на Октябрьском проспекте.

Нас сближала, прежде всего, причастность к петроглифам Карелии. Как-то Александр Михайлович изъявил желание еще раз посетить наскальные изображения в низовье р. Выг. Такая «экскурсия» вдвоем состоялась и оказалась весьма продуктивной. Было что вспомнить, что обсудить.

Не за горами 110-летие со дня рождения А.М.Линевского. Это хороший повод вернуться к более основательному осмыслению и освещению его «линии жизни». Желательно было бы подготовить и издать «Сборник материалов и документов о А.М. Линевском». В него могут войти воспоминания, какие-то из неопубликованных его работ, извлечения из высказываний о нем, рассказы о событиях, участником которых он был. Свое слово могут сказать и те, кто общался с ним. Ему могут быть посвящены различные литературные и научные конкурсы, вечера. Полная биография

А.М. Линевского, размышления над нею позволит лучше понять, как представители советской интеллигенции искали и находили себя, свое предназначение, как участвовали в жизни своей страны и Карелии.

□

Юрий Александрович САВВАТЕЕВ

*Доктор исторических наук,
в 1988-2005 гг. возглавлял Институт языка,
литературы и истории КарНЦ РАН.
В 1955-1985 гг. проводил разведки и раскопки
древних поселений в разных районах Карелии.
Открыл десятки стоянок и новые скопления наскальных изображений
в низовье р. Выг в юго-западном Прибеломорье
и на восточном берегу Онежского озера.
Автор шести книг, среди которых «Залавруга», «Наскальные рисунки
Карелии», «Петроглифы Карелии», «Вечные письмена»
и более 100 иных научных публикаций.
Советник РАН, заслуженный деятель науки
Российской Федерации и Республики Карелия.
Награжден почетными грамотами и медалями.*

